

Глава 11

Заработок

Проснувшись на следующее утро, Фан Цзычэнь долго лежал в оцепенении, глядя на Чжао-гэра, который всё ещё мирно спал, пригравшись у него под боком.

Он провёл в объятиях с этим человеком всю ночь!

Поза была до неловкости интимной: подбородок Цзычэня покоился на макушке гэра, а рука крепко обхватывала его за талию. Чжао-гэр, такой щуплый и маленький, целиком поместился в его руках, свернувшись калачиком.

Но хуже всего было другое.

Почувствовав странное напряжение в теле, Фан Цзычэнь на мгновение усомнился в реальности происходящего. Мир вокруг словно перевернулся. Подобное случалось с ним лишь однажды — в том самом сне за три месяца до совершеннолетия, но сейчас это произошло наяву. И виной тому был Чжао-гэр!

Сгорая от стыда, юноша почувствовал, как к лицу приливает жар. Стоило ему шевельнуть рукой, как ресницы гэра дрогнули, и он открыл глаза.

Спросонья Чжао-гэр не сразу сообразил, что происходит, но стоило сознанию вернуться, как он заметил странное выражение лица своего спутника.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил он.

— Я... — Цзычэнь, не зная, куда деться от позора, поспешно отстранился и, пробормотав что-то невнятное о нужде, позорно бежал из комнаты.

По дороге в город щёки его всё ещё полыхали. Стоило Чжао-гэру заговорить, как Цзычэнь тут же отводил глаза, пряча смущение.

Гэр спал в его объятиях, они были так близко... неужели он ничего не заметил?

Сначала заявить человеку: «Ты мне как брат», а потом обнаружить у себя такую бурную реакцию на этого самого «брата» — более нелепую ситуацию сложно было представить.

Его внезапная холодность заставила Чжао-гэра мучительно гадать, в чём он провинился. Неужели он слишком крепко обнимал его ночью и тем самым вызвал отвращение? Несколько раз гэр пытался завязать разговор, но Цзычэнь всякий раз ускользал от ответа, и в конце концов Чжао-гэр затих, не смея больше раскрыть рта.

Деревня Сяохэ относилась к ведомству города Фуань. Быстрым шагом до него можно было добраться минут за сорок. Те, у кого водились деньги, платили две монеты и ехали на воловьей повозке старосты, но у Фана за душой не было ни гроша, так что приходилось полагаться на собственные ноги.

Перед уходом Чжао-гэр хотел отвести сына к Чжоу-гэру — ведь неизвестно было, когда они вернутся, — но Цзычэнь, рассудив, что не стоит лишний раз обременять людей, решил взять ребёнка с собой.

Гуай-цзай, маленький и худющий, с ножками не толще палочек для еды, напоминал бы обезьянку, будь он чуть поросшим шерстью. Цзычэнь посадил его на спину, и они отправились в путь ещё до рассвета. На полпути их догнала повозка старосты.

— Паренёк Фан, Чжао-гэр! В город собрались? — окликнул их Хэ Чжи.

Фан Цзычэнь кивнул:

— Ага.

— Запрыгивайте, подброшу. На волах-то быстрее будет.

Юноша окинул взглядом повозку: люди сидели вплотную к товарам, места не было даже для того, чтобы просто поставить ногу. Что же ему, на головы им лезть?

Он покачал головой:

— Спасибо, не нужно.

На входе в город стража не стала проверять подорожные грамоты, и Фан Цзычэнь вздохнул с облегчением.

Деревня Сяохэ была бедной, и он полагал, что вся округа выглядит так же, но Фуань оказался на удивление процветающим местом. Улицы, вымощенные сизым кирпичом, были просторными и тянулись во всех направлениях. Вдоль них теснились лавки и магазины. В рыночный день здесь царил оживление: толпы народа, неумолкающие крики зазывал — город так и дышал благополучием.

Цзычэнь был здесь впервые, но и Чжао-гэр ориентировался немногим лучше. Они плутали по улицам, словно слепцы. К полудню Фан Цзычэнь почувствовал, что проголодался. Ароматы из уличных лотков так и лезли в нос, заставляя его тяжело вздыхать.

Гуай-цзай тоже проголодался. Он притих на спине своего покровителя, во все глаза глядя на палатку с вонтонами, но не плакал и не капризничал.

В древние времена не существовало бирж труда. Деревенские жители искали работу в городе только через знакомых или по связям. Видя его хмурое лицо, Чжао-гэр хотел было что-то предложить, но в этот момент сзади раздался голос Чжоу-гэра. Тот пришёл в город продавать овощи, и к полудню в его корзине ещё оставалось немного товара. Он хотел сменить место, когда заметил друзей.

— Хочешь пойти со мной поторговать? Потом вместе вернёмся.

Чжао-гэр уже собирался отказаться, но Цзычэнь опередил его:

— Чжао-гэр, бери Гуай-цзая и иди с ним.

Тот резко вскинул голову, глядя на него в упор.

— Жара стоит невыносимая, — рассудительно продолжил Фан Цзычэнь. — Как распродадите овощи, сразу возвращайтесь домой. Уже полдень, малыш наверняка проголодался, свари ему каши.

— Я не...

Цзычэнь, не терпя возражений, вложил Гуай-цзая ему в руки. Он уже развернулся, чтобы уйти, когда почувствовал, что его одежду кто-то осторожно придержал. Это касание было почти невесомым, словно дуновение ветерка, лишь край рубахи едва заметно колыхнулся.

Это был Чжао-гэр.

— Что такое? — спросил Цзычэнь.

Гэр смотрел на него, сжимая в пальцах клочок ткани, и молчал, но всё его смятение и тоска были написаны на лице. Перед глазами Фана внезапно всплыли обрывки ночного кошмара и те слова, что супруг шептал в забытьи.

«Не уходи...»

Он помолчал мгновение, а затем услышал дрожащий голос Чжао-гэра:

— Ты... ты ведь вернёшься?

Цзычэнь попытался его успокоить:

— Конечно. У меня в кармане ни гроша, куда я денусь? Не волнуйся.

Даже получив обещание, Чжао-гэр не смог успокоиться. Уходя вслед за Чжоу-гэром, он то и дело оглядывался, напоминая потерянную душу. Видя его состояние, товарищ не выдержал:

— О чём ты так печёшься? Боишься, что он сбежит?

Чжао-гэр промолчал.

— Я слышал, он издалека прибыл, и его до нитки обобрали. Он здесь никого и ничего не знает, куда ему бежать? Выбрось это из головы.

Чжао-гэр замер на месте. Когда Чжоу-гэр попытался потянуть его за собой, тот тихо произнёс:

— Я хочу пойти за ним.

— Ты совсем глупый? — фыркнул Чжоу-гэр. — Он отправил тебя со мной как раз потому, что не хотел, чтобы ты за ним хвостом тащился.

Чжао-гэр понурил голову, и в его голосе зазвучала тихая печаль:

— Я... я просто боюсь, что он не найдёт дорогу домой.

— Эх! — Чжоу-гэр вздохнул, слишком хорошо понимая его чувства. — Он не ребёнок, разберётся.

У Чжао-гэра больше не осталось оправданий. Если Фан Цзычэнь действительно не хотел его видеть рядом, то его преследование вызвало бы лишь раздражение.

Найти работу в городе оказалось делом непростым. Цзычэнь, казалось, истоптал весь Фуань вдоль и поперёк, но нигде не видел объявлений о найме. Поразмыслив, он направился в сторону пристани.

Ему повезло: грузовое судно только что вошло в порт, и сейчас вовсю шла разгрузка. Несколько дюжих мужиков таскали тяжелые тюки, а человек рядом записывал что-то в свиток. Юноша, понаблюдав немного, решительно подошёл к нему.

— Дядя, вам люди не нужны?

Управляющий поднял на него взгляд. Фан Цзычэнь был одет в одежду Хэ Си — не новую, но крепкую. Поскольку прежний хозяин был ниже, но шире в плечах, рубаха сидела на Цзычэне мешковато, из-за чего его и без того худощавая фигура казалась совсем хрупкой.

Управляющий с сомнением оглядел парня:

— Справишься ли?

В эти дни работы было невпроворот, рук действительно не хватало, но и брать кого попало он не собирался.

Цзычэнь ударил себя в грудь:

— Почему нет? Настоящий мужчина никогда не говорит «не могу».

Управляющий рассмеялся:

— Я не к тому, чтобы тебя задеть, парень. Просто груз у меня тяжёлый. Тюки хоть и невелики с виду, но в каждом по сотне цзиней будет. Как бы тебя под ними не раздавило.

— Дайте мне попробовать. Если не справлюсь — уйду, — настаивал юноша. За годы жизни «образцовым сыном и студентом» он научился говорить так, что отказывать ему было крайне сложно.

— Ладно, — сдался управляющий. — Пробуй. Если потянешь — оставайся. За каждые три тюка плачу одну монету, у всех здесь такой уговор.

Одна монета за три тюка? Да это же просто подарок судьбы! Мясная булочка стоит две монеты — значит, разгрузив всего шесть мешков, можно обеспечить себя едой... Цзычэню показалось, что в его теле внезапно проснулась небывалая мощь.

Управляющий лишь усмехнулся, глядя, как парень рвётся к грузу. За десять с лишним лет на этой пристани он насмотрелся на таких смельчаков. Обычно они мнили о себе неведь что, но, перетащив пару мешков, позорно сбегали, даже не требуя оплаты.

Пока работы было немного, он решил присмотреть за уверенным в себе юношей. И чем дольше он смотрел, тем шире открывались его глаза.

Цзычэнь подхватывал по два огромных тюка под мышки и буквально летал по сходам. Он сделал несколько ходок, но на его лице не появилось ни капли пота, а дыхание оставалось ровным. Грузчики, работавшие рядом, тоже застыли в изумлении. Поначалу они посмеивались над «хлюпиком», но теперь...

Ну и дела.

К вечеру судно было полностью разгружено.

— Фан Цзычэнь!

— Иду, иду! — парень подлетел за расчётом, сияя от радости.

— Шестьдесят две монеты, — управляющий протянул ему медяки и не удержался от похвалы: — А ты хорош, мальчик! Я здесь давно заправляю, но не видел, чтобы кто-то столько за день зашибал. Тридцать монет — это уже предел для обычного человека. Да у тебя талант таскать тюки!

Фан Цзычэнь:

— ...

Что-то не слишком ему хотелось развивать этот «талант».

Он отошёл в сторону, но не спешил уходить. Управляющий, закончив раздавать деньги, заметил, что парень крутит в руках одну из монет, разглядывая её с обеих сторон с таким видом, будто видел сокровище. При этом он что-то бормотал себе под нос.

— Чёрт, так вот ты какой, настоящий медяк... Если бы я мог вернуться, — шептал Фан Цзычэнь, — я бы на продаже этого антиквариата состояние сколотил. Стал бы сказочно богат!

Но тут он нахмурился.

«Хотя, если бы я вернулся... Деньги от родителей, акции компании, та "Мазерати", что брат подарил в прошлом году, две квартиры от дедов в элитном районе... Я же и так был чертовски богат!»

Медяк в руке мгновенно утратил своё очарование. Цзычэнь скривился, ссыпал монеты в

кошель, который Чжао-гэр сунул ему утром, и собрался было домой.

— Эй, парень! — окликнул его управляющий. — Завтра придёшь? Мне люди ещё на пару дней нужны.

Глаза Цзычэня снова блеснули:

— Приду, конечно приду!

У городских ворот работала лавка с выпечкой. Цзычэнь, весь день не маковой росинки во рту не державший, почувствовал, как кошелёк приятно тянет карман, и купил две булочки. В те времена люди были честными: маньтоу делали на совесть, плотными и сытными. Наевшись, Цзычэнь попросил завернуть ещё четыре штуки и, вполне довольный собой, отправился в обратный путь.

Когда он преодолел половину дороги, совсем стемнело, но при лунном свете путь был вполне различим. Не доходя до деревни, он ещё издали заметил какую-то фигуру. Маленький силуэт, сжавшийся в комок, сидел на обочине у самого въезда. Подойдя ближе, Фан Цзычэнь услышал тихие, едва различимые всхлипы.

После встречи со «стариком Хэ» его нервы заметно окрепли. Он спокойно подошёл ближе и с удивлением обнаружил, что это был Чжао-гэр.

<http://bllate.org/book/15357/1416597>